Первая поездка Ильи Муромца

Сидел Илейка без рук, без ног,
На пеци сидел Илейка тридцеть лет.
Ушли у него отець-мать на полё,
Сидит Илейка один на пецьки-муравленки,
Под окно пришли калики перехожие:
«Подай, Илейка, мило́стыню ради́ Христа».
Говорит Илейка таково слово:
«Ой есь, калики перехожие!
Рад бы я подал,
И не действуют ни руки, ни ноги:
Сижу я тридцеть лет без рук, без ног».
Говорит калика перехожая:
«Протяни, грит, праву ноженьку».
Протянул он праву ноженьку —
Подействовала его да права ноженька.
«Протяни, грит, леву ноженьку».
Протянул он леву ноженьку —
И подействовала его лева ноженька.
Слез он с пецьки-муравленки,
Говорит он таково слово:
«Ой есь, калики перехожие!
Подействовали у меня резвы́ ноги,
Не действуют у меня белы́ руки́,
Не могу я вам подать милостыню».
Говорит калика перехожая:
«Протяни, говорит, праву рученьку».
Протянул Илейка праву рученьку —
Подействовала его права рученька.
«Протяни, говорит, леву руку».
Протянул Илейка леву руку —
Подействовала его лева рученька.
Вынес он буханочку и подал им.
Говорят калики перехожие:
«Ой еси, Илеюшко!
Спустись ты <к> матери во глубок погреб,

Подынь ты, зацерпни кружку квасину».
Спустился он во глубок погреб,
Поднял он квасу круженьку.
Говорит калика перехожая:
«Ой еси ты, Илейка Муромець!
Выпей ты эту квасу круженьку».
Выпил Илейка квасу круженьку.
«Чо, Илейка, по се чувствуёшь?» —
«Чувствую я по се силоньки». —
«Спустись ешшо во глубок погреб,
Подынь ешшо кружку зелена вина».
Поднял он кружку зелена вина.
Говорит калика перехожая:
«Выпей, Илейка, эту круженьку».
Выпил Илейка эту круженьку.
Говорит калика перехожая:
«Чо, Илейка, по се чувствуёшь?»
Говорит-то Илейка Муромець:
«Столько я чувствую в себе силоньки,
Было бы кольцё во сырой земли,
Поворотил я бы мать сыру землю».
Говорят калики перехожие:
«Дали мы ему силы множество,
Убавить надо силы половинушка».
Убавили силы половинушку,
Потерялись калики перехожие.
Выходил Илейка вон на улицю,
Пошел Илейка во чисто полё,
К отцю к матери идёт на полё.
Увидела его мати родимая,
Говорит она мужу Мурому:
«Ой есь, мой муж Муром!
Вон идет кто ли, как наш Илеюшко». —
«Глупа ты, баба, нерозумна,
Сидит Илейка тридцеть лет без рук, без ног».
Поближе подходит к им Илеюшко.
Говорит опять жена у Мурома:
«Совсем как наш идет будто Илеюшко».
Не верит Муром ейным словам.

Подошел к ним Илейко близко-наблизко,
Узнали его и возрадовались.
Поздоровалсе он с отцём, с матерью,
Говорит Илейко таково слово:
«Ой есь ты, мой отець-мати!
Садитесь вы на колоденку».
Спрашивают его отець с матерью.
«Пришли под окно два калики перехожие:
„Подай, Илейко, мило́стыню ради́ Христа“.
Говорит Илейко таково слово:
„Ой есь, калики перехожие!
Рад бы я подал,
И не действуют ни руки, ни ноги,
Сижу я тридцать лет без рук, без ног“.
Говорит калика перехожая:
„Протяни, грит, праву ноженьку“.
Протянул я праву ноженьку —
Подействовала моя да права ноженька.
„Протяни, грит, леву ноженьку“.
Протянул я леву ноженьку —
И подействовала моя лева ноженька.
Слез я с пецьки муравленой,
Говорю я таково слово:
„Ой есь, калики перехожие!
Подействовали у меня резвы ноги,
Не действуют у меня белы руки,
Не могу я вам подать милостыню“.
Говорит калика перехожая:
„Протяни, грит, праву рученьку“.
Протянул я праву рученьку —
Подействовала моя права рученька.
„Протяни, говорит, леву рученьку“.
Протянул я леву рученьку —
Подействовала у меня лева рученька.
Вынес я буханочку и подал им.
Говорят калики перехожие:
„Ой еси. Илеюшко!
Спустись ты к матери во глубок погреб,
Подынь ты, зачерпни кружку квасину“.

Спустился я во глубок погреб,
Поднял я квасу круженьку.
Говорит калика перехожая:
„Ой еси ты, Илейка Муромец!
Выпей ты эту квасу круженьку“.
Выпил Илейка квасу круженьку.
„Что, Илейка, по се чувствуешь?“ —
„Чувствую я по се силоньки“. —
„Спустись еще во глубок погреб,
Подынь еще кружку зелена вина“.
Поднял я кружку зелена вина.
Говорит калика перехожая:
„Выпей, Илейка, эту круженьку“.
Выпил я эту круженьку.
Говорит калика перехожая:
„Что, Илейка, по се чувствуешь?“ —
„Столько я чувствую в себе силоньки:
Было б кольцо во сырой земли,
Поворотил я бы мать сыру землю“.
Говорят калики перехожие:
„Дали мы ему силы множество,
Убавить надо силы половинушку“.
Убавили силы половинушку,
Потерялись калики перехожие.
Тогда пошел я к вам во чисто поле».
Говорит Илейко таково слово:
«Ой есь, ты мой отец-мати!
Садитесь вы на колоденку,
Подчишшу за вас я полюшко».
Берет он дубину за вершинушку,
За вершину дубинушку подергиват,
За полё дубинушку помётыват.
Выцистил он полюшка порядоцьно.
Пошел он домой да с отцём, с матерью.
Проходит у их дома тёмна ноценька,
Ставали они поутру рано.
Говорит-то старóй да Илья Муромець:
«Ой есь, мой отець-матушка!
Дайте мне благословленьицё

Сходить-съездить в стольнёй Киев-град,
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських бога́тырей».
Не дават отець-мать благословленьицё:
«Помрем мы без тебя да смертью лютоей!»
Другой раз старой их выспрашиват:
«Ой есь, мой отец-матушка,
Дайте мне благословленьицё
Сходить-съездить в стольнёй Киев-град,
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських бога́тырей».
Не дават отец-мать благословленьицё:
«Помрем мы без тебя да смертью лютоей!»
Третьей раз старой нонь выспрашиват:
«Ой есь, мой отец-матушка!
Дайте мне благословленьицё
Сходить-съездить в стольной Киев-град,
Посмотреть князя да со княгиною,
Посмотреть мне всех руських бога́тырей.
Даите́ — поеду и не даите — поеду!»
Говорит-то его отець Муром:
«Ой ты, мой старой да Илья Муромець!
Ехать тебе дорожкой прямоежжено —
Прямоежжая дорожка призапушшена,
Призапушшена дорога, призасорена,
Не ездят той дорогою тридцеть лет.
Заселился там Со́ловей Рахматович,
Не пропускат он ни конного, ни пешого,
Не пропускат он зверя рыскучего,
Не пропускат он птицю полетушчую,
Не пропускат он руського бога́тыря,
Убиват он своим свистом громкиим.
А кругом дорожкой надо ехать три́ года».
Срежался старой да И<лья> М<уромець>,
Седлал-уздал он коня доброго,
Подстегивал он двенадцеть подпругов,
Тринадцету степ да лошадиную —
Не оставил <бы> молодца да в поли доброй конь
Серым-то волкам да на съеденьицё,

Черным воронёнкам нынь на граяньё.
С отцём, с матерью он распрошчается.
Не видали отправки молодецкоей,
Не видали поездки богатырьскоей,
Только видят: во поли курева идет,
Курева идет да дым столбом валит.
Приежжал он к ростаням дороженьки,
Поехал он по прямой дороженьки,
Приехал он в болотину дыбуцую —
По болотины мостики привыгнили.
Слезывал Илейка со добра коня,
У коня брал он повод да во леву́ руку,
Правой рукой дубинушки он подергиват,
Болотинку он мост помашчиват.
Перебрался он болотину дыбучую,
Перешел он да во чисто полё.
Садилса он на добра коня,
Поехал он путью-дорожечки.
Там увидел во чистом поли,
Увидел он Соловья за семь верст:
Сидит Соловей Рахматович
На семи дубах, на восьми поддубочках.
Увидел Со́ловей руська бога́тыря
Во той же дорожки приросcоренной,
Натягал Соловей духи змеиные,
Заревел он громким голосом —
У старого конь да на колени пал.
Бьет коня по туцьным ребрам:
«Уж ты конь, да травяной мешок,
Не слыхал ты граю воронового!»
Брал он себе в руки ту́гой лук,
Накладывал стрелу и приговаривал:
«Уж ты, моя калена́ стрела,
Не падай не на́ землю, не на воду,
Пади Соловью во пра́вой глаз!»
Закладывал он стрелоцьку каленую,
Не серы волки в поле завоели —
У старого у лука макляки заскрипили.
Полетела стрелоцька каленая,

Попала Соловью во правой глаз,
Свалился Соловей Рахматович
С семи дубов, с восьми поддубочков.
Не удалось Соловью на пол пасть —
Подъехал старой да И<лья> М<уромець>,
Приковал его к седелышку зеркальцяту,
Едет он по чисту полю.
Были у Соловья две доцери,
Выходили они на крыльцё паратное,
Глядели они да во чисто полё,
Видят они: во чистом поле
Отець едет, богатыря везет.
Забежали они к матушки родимоей:
«Ой есь, наша матушка родимая!
Татка едет, богатыря везет».
Вышла у них матушка родимая
На то же крыльцё да паратное.
Брала она трубоньку подзорную,
Глядела она во чисто поле,
Говорит она таково слово:
«Не отець везет, а богатырь отця везёт;
Поднимайте надрешотницы тяжелые,
Зовите гостя попить-поись.
С той же да с пути-дороженьки
Заежжать станет в нашу оградушку —
Спустите надрешотницы тяжелые,
Богатырю спустите во буйну голову,
Придайте его к смерти лютоей».
Подъежжат старой да И<лья> М<уромець>,
И проехал он мимо в стольной Киев-град.
Приеждат старой в стольной Киев-град,
Слезывал он да со добра коня,
Заходил он к солнышку Владимеру.
Идет у солнышка почесен пир;
Садили старого да за переднёй стол,
Тут они стали его спрашивать:
«Поколь же ты, уд<алой> доб<рой> мол<одец>,
Поколь же ты ехал, поколь путь держал?
Ехал ты дорожкой кругоезжеей?»

Говорит-то старой да таково слово:
«Ой еси, удалы доб<ры> молодцы!
Ехал я дорожкой прямоезжеей».
Нихто не верят уд<алы> д<обры> м<олодцы>:
«У нас засорена дорожка нонь тридцеть лет,
Тут сидит Соловея Рахматович
На той же дорожки прямоежжеей,
Не пропускат он ни конного, ни пешого,
Не пропускат он зверя рыскучего,
Не пропускат он птицю полетушчую,
Не пропускат он <и> руського богатыря,
Убиват он своим свистом громкиим».
Говорит-то старой И<лья> М<уромець>:
«Ой есь, уд<алы> д<обры> м<олодцы>!
Я ехал дорожкой прямоезжеей,
Сидит у мня Соловей Рахматович,
Сидит он у мня да на добром кони,
Прикован-то <к> седелышку зеркальцяту».
Говорит-то солнышко Владимер-князь,
Говорят все руськи богатыри:
«Если есь у тя Соловей Рахматович,
Заведи его да на почесен пир».
Говорит-то старóй да И<лья> М<уромець>:
«Ой еси, Микитушка Добрынюшка!
Заведи поди Соловья Рахматова».
Выходил-то Микитушка Добрынюшка:
«Ой еси, Соловей Рахматович!
Пойдем к солнышку на почесен пир».
Говорит Соловей таково слово:
«Не твоё пью-кушаю, не тя и слушаю,
Есь у мня хозяин — И<лья> М<уромець>».
Заходил-то Мик<итушка> Добрынюшка:
«Ой есь, старой да И<лья> М<уромець>!
Не идёт со мной С<оловей> Р<ахматович>».
Выходил старой да вон на улицю,
Сымал он С<оловья> Р<ахматовича>,
Заводил он его на поцесен пир.
Садили его да за дубовой стол,
Подавали ему цяру зелена вина,

Не большу, не малу — полтора ведра.
Тут они сидят, пьют-едят.
Говорит-то солнышко Владимер-князь,
Говорят вси руськие богатыри,
Ти же бояра толстобрюхие:
«Ой есь, старóй да И<лья> М<уромець>!
Разреши свистеть Соловью Рахматову
Своим ему да громким голосом».
Ставал старой да на резвы ноги,
Брал князя он под праву руку,
Матушку Апраксию под левую.
Говорит-то старой да И<лья> М<уромець>
Тому же Соловью Рахматову:
«Ой есь, Соловей Рахматовиць!
Натяни ты духи змеиные,
Засвисти ты о полусвиста».
Натягал Соловей духи змеиные,
Засвистел Соловей во весь свист —
Всех тут нараз да приошунуло,
Заползали бояра толстобрюхие,
Поддаржал старой да Илья Муромец
Князя и мать Апраксию.
Осердился старой да Илья Муромець,
Схватил Соловья за черны кудри,
Поднял он его выше буйной главы,
Опустил он его о кирпитчат пол,
Придал его он смерти лютоей.

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 8 июня 1938 г., д. Смекаловка Нижнепечорского р-на — от Осташова Ивана Кирилловича, 65 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.